

НОЧНОЙ ОБЫСК

36 + 36

На изготовку!
Бери винтовку.
Топай, братва:
Направо 38.
Сильнее дергай!
— Есть!
— На изготовку!
Лезь!
— Пожалуйста,
Милости просим!
— Стой, море!
— Врешь, мать
Седая голова,
Ты нас море не морочь.
Скинь очки.
Здесь 38?
— Да! Милости просим,
Дорогие имениннички! —
Трясется голова
Едва жива.
— Мать!
Как звать?
Живее веди нас, мамочка!
Почтенная
Мамаша!
Напрасно не волнуйтесь,
Все будет по хорошему.

Белые звери есть?
— Братишка! Стань у входа.
— Сделано — чердак.
— Годок, сюда!
— Есть!
— Топаем, море,
Закрутим усы!
Ловко прячутся трусы...
Железо засунули,
Налетели небосы,
Расхватали все косые,
Белые не обманули их.

.. А ты, мать, живей
Поворачивайся!
И седые люди садятся
На иголку ружья.
А ваши мужья?
Живей неси косые,
Старуха, мне, седому
Морскому волку!
Слышу носом, —
Я носом зорок, —
Слышу верхним чутьем:
Белые звери есть.
Будет добыча.
— Брат, чуешь?
Пахнет белым зверем.
Я зорок.
А ну-ка гончие-братва!

.. Вот сколько есть —
И немного жемчужин.

— Сколько кусков?
— Сорок?
— Хватит на ужин!
Что разговаривать!
Бери, хватай!
Братва, налетай!
И только!
Не бары ведь!
Бери
Сколько влезет.
Мы не цари
Сидеть и грезить.
Братва, налетай, братва, налетай!
Эй, море, налетай! Налетай орлом!
— Даешь?
Давай, сколько влезет!
— Стара, играй польку.
— Что барышня грезит.

Г о л о с: Мама, а мама!
— Мать, а мать!
Держи ответ!
Белой сволочи нет?
— Завтра — соберется совет.
А я стара, гости!
Алое, белое,
Белая кость.
Где тут понять?
И белые волосы уже у меня.
Я — мать.

— Птах! Птах!
Выстрел, дым, огонь!

— Куда пострел?
Постой! Оружье, руки вверх!
— В расход его, братва!
— Стань юноша у стенки.
Вот так! Вот так!
Волосики русики,
Золотые усики.
— У печки стой, белокурый,
Скидай с себя людские шкуры!
— Гость моря виноват
За промах:
Рука дрожала.
Шалунья пуля.
— Смеется, дерзость или наглость?
Внести в расход? —
— Даешь в лоб, что-ли?
Товарищи братва,
Морские гости?
О вас молва: вы — великодушны. —
— Вполне свободно!
Это море может,
Эту милость может
Море оказать!
— Старуха, повернись назад.
— Даем в лоб что-ли
Белому господину?
— Моему сыну?
— Рубаху снимай, она другому пригодится,
В могилу можно голяком.
И барышень в могиле — нет.
Штаны долой
И поворачивайся.

И все долой! Не спи —
Заснуть успеешь. Сейчас заснешь, не
просыпаясь!

— Прощай, мама,
Потуши свечу у меня на столе.

— Годок, унеси барахло. Готовься! Раз!
два!

— Прощай дурак! Спасибо
За твой выстрел.

— А так!.. За народное благо.

Трах-тах-тах!
Трах!

— Спасибо, а какое:
С голубиное яйцо
Или воробьиное?
Вот тебе и загадка!
Готов голубчик,
Ноги вытянул.
А супчик был хорош
И маска хороша.
Еще два выстрела:
Вот этот в пол,
А этот в бога!
Вот так! Сюда!
Пошлем его к чертям собачьим.
Мы с летучим морем
За веселыми плечами
Над рубахой белой,
Над рубахой синей,
Увидим — бабахнем!

Штаны у меня широки,
В руке торчит железо,
И не седой бобер,
А море синее
Тугую шею окружило
И белую рубашку.
Богу мать.
— Браток, что его, поднимать?
Нести?
Оставить — некрасиво.
— Плевать! Нам что!
— Мама!
А это что за диво:
И будто семнадцать лет,
А волосы — снег!
А черные глаза
Живые!
— Море приносит с собою снег.
Я в четверть часа поседела.
Если не нравится смотреть на старуху,
Не смотрите, отвернитесь!
Владимир! Володя! Владимир!
Мама! Он голый!
— Барышня!
Трупы холода не знают!
И мертвые сраму не имут.
— Дела! Дела! Вольно!
— Подлец! Смеется после смерти!
— А рубашек таких
Я нешивал — хороша!
И пятен крови нет.
Полотно добротное.

Вошел и руку на плечо.
— Годок! Я гада зарубил!
Лежит на чердаке.
У пулемета.
— Эге-ге!
— Где мать!
— Очень белая барышня,
Так вы побелели
Еще до нашего прихода?
Морского ветра еще и не дуло,
Морем и ветром еще и не пахло,
А здесь уже выпал снег
На чердак и на головы.
Торчало пулеметов дуло
Из-под перины?
Ничего, ничего.
Это ранней весной
Вишневый цвет
Упал вам на голову снегом.
Встряхнитесь, осыпятся листья,
Милая барышня.
Покрывало для гроба
Из цветов хорошее.
— Это и только!
— Браток!
Что ты ее мучаешь?
— А ну-ка,
Милая барышня в белом,
К стенке!
— Этой? Той?
Какой?
Я го-то-ва!

— А ну, к чертям ее
— Стой!
Довольно крови!
Поворачивайся кукла!
— Крови? Сегодня крови нет!
Есть жижа, жижа и жижа.
От скотного двора людей
Видишь темнет лужа?
Это ейного брата
Или мужа.
— Владимир!
— Мама!
— Ты бы сказала „папа“,
Это было бы веселее!
Где он, в бегах?
В орловских рысаках?
Дал рыси и прибавил ходу!
А может скаковой любимец?
И обгоняет в скачках?
Ну, кукла, уходи,
Пошла к себе!
Глаз не мозоль!
Здесь будет попойка.
Не плачь, сестрица,
Здесь не место вольным.
У нас есть тоже сестры
В деревнях и лесах,
А не в столицах.
Иди себе спокойно, человек,
Своей дорогой.
— Раз зеркало, я буду бриться!
И время есть.

Криво стекло,
Косая рожа.
Друзья в окно
Все это барахло —
Ему здесь быть не гоже.
И сделаем здесь море,
Чтоб волны на просторе.
Да только чайки нет.
А зеркало, его долой —
Бах кулаком!
— Себя окровянил.
Склянка красных чернил это зеркало.
- Вояка с зеркала куском!
Порой жестоки зеркала. Они
Упорно смотрят,
И судей здесь не надо —
Поболее потемок!
— Годок!
Дай носовой платок!
— Владимир!
Володя!
— Он вымер! Он вымер
Сегодня!
Вымер и вымер!
Тебя не услышит!
Согнутый на полу
Владеет миром.
И не дышет.
-- А это что? Господская игра,
Для белой барышни потеха?
Сидит по вечерам
И думает о муже,

А потом червей.
Две смены, две рубашки:
Одна другой тесней.
Одно и то же кушанье двум едокам.
Ишь, зазвенели струны!
Умирать полетели.
Долго будет звенеть
Струнная медь.
— Вдарь еще разок,
Годок!
Гудит, как пчелы,
Когда пчеляк отымет мед.
Бах! Бах!
— Ловко моряки.
Наше дело морское:
Бей и руши!
Бей и круши!
Ломите, ломайте.
Грабьте и грабьте,
Морские лапти!
Смелей! Не робь!
Не даром пухли,
Чинить найдутся,
А эту рухлядь,
Этот ящик, где воеет цуцик,
На мостовую
За окно!
Пугать соседок
Эдак!
— Это дело подходящее
Море, бурное оно.
Это по-нашенски,

А не по-нищенски.
В дребезги
Ббаам-паах!
— Нынче море разгулялось,
Море расходилось,
Море разошлось.
Экая сила.
— Никого не задавило?
— Никак нет.
Только трех муравьев,
Вышедших на разведку.
Пылица. Силища!
— Где винтовка, детка?
Годок, сними того грача?
— Сейчас!
Тах!
Готов.
Попал?
— Упал.
Мертв.
— А где старуха.
Мать, ты здесь?
Жратвы!
Вина и лососины!
И скатерть белую.
Цветы. Стаканы.
Будет пир, как надо.
Да чтоб живей
И мясо и жаркого,
Не то согнем в подкову!
— Годочки, будем шамать,
Ашать, браточки, кушать.

Жрать.
Сейчас пойдет работа-мама!
И за скулою затрещит.
А все же пахнет.
От мертвых дух идет.
— Владимир!
— Владимира ей надо — стонет!
А нас забыла, нас не хочет!
Давайте все морочить:
— Мы здесь!
— Я здесь, Оля!
— Я здесь, Нина!
— Я здесь, Верочка!
— Мяу!
— Вот смехота!
Тонким голосом
Кричи по-бабьему.
— Ребята, не балуйтесь
У гроба, у смерти.
— А ловко ты
Прикладом вдарил.
Как оно запоеет,
Зазвенит, заиграет и птицей, умирая, по-
летело.

Аж море в непогоду.
Слушай, там в дверях дощечка:
„Прошу стучать“.
Браток поставил „к“ — вышло:
„Прошу скучать“
На дверях гроба молодого,
Где сестры мертвого и вдовы.
Ха-ха-ха!

Какое дышало.
— И точно, есть о ком
Скучать той барышне вдове
С седыми волосами.
Мы, ветер, принесли ей снег.
Ветер моря.
Море так море!
Так, годочки,
Мы пройдем, как смерть
И горе.
С нами море!
С нами море!
Трупы валяются.
Море разливанное,
Море — ноздри рваные,
Да разбойничье,
Беспокойничье.
Аж грозой кумачевое,
Море беспокойничье,
Море Пугачева.
— Я верхним чутьем
Белого зверя слышал.
Олень! Слышу
Пахнет белым!
Как это он бахнет!
За занавеской стоял,
Притаился маменькин сынок.
Дал промах
И смеётся.
Я ему: — „Стой, малой!“
А он:
„Дашь в лоб что-ли?“

„Вполне свободно“, говорю.

— Трах-тах-тах!

Да так весело

Тряхнул волосами,

Смеется.

Точно о цене спрашивается,

Торгуется.

Дело торговое,

Дело известное,

Всем один конец,

А двух не бывать.

К богу мать.

А плевать.

„Вполне свободно“, говорю,

„Это можно,

Эту милость может

Море оказать“.

— Трах-тах-тах!

— Вот как было:

Стоит малой:

— „Даешь в лоб что-ли?“

„Вполне свободно“ —

Отвечаю.

Трах-тах-тах! Дым! И воздух обожгло.

Теперь лежит златоволосый,

Чтобы сестра, рыдая, целовала.

„Киса, моя киса,

Киса золотая“.

.. Девочка, куда?

Пропуск на кошку!

Стой!

— Годок, постой,

Нет пропуска на кошку.
В окошко!
— Как звать?
— Марусей.
— Мы думали маруха,
Это лучше.
— За стол садитесь, гости.
— Прямая, как сосна,
Старуха держится.
А верно ей сродни Владимир.
Сын. Она угрюма и зловеща.
„Из-под дуба, дуба, дуба!“
Часам к шести.
Налей вина, товарищи,
Чтоб душу отвести!
Пей, море,
Гуляй, море,
Шире, больше!
Плещись!
Чтобы шумело море,
Море разливанное!
„Свадьбу новую справляет
Он веселый и хмельной... и хмельной“...
Вот денечки.
— Садись, братва, за пьянку!
За скатерть-самобранку.
„Из-под дуба, дуба, дуба!“
Садись, братва!
— Курится?
— Петух!
— О, боже, боже!
Дай мне закурить.

Моя-тоя потужла.
Погасла мало-мало.
Седой, не куришь — там на небе?
— Молчит.
Себя старик не выдал,
Не вылез из окопа.
Запрятан в облака.
Все равно. Нам водка море разливанное.
А богу — облака. Не подеремся.
Вон бог в углу —
И на груди другой
В терну колючем,
Прикованный к доске, он сделан,
Вытравлен
Порохом синим на коже —
Обычай морей.
А тот свечою курит...
Лучше нашей — восковая!
Да, он в углу глядит
И курит.
И наблюдает.
На самоварную лучину
Его бы расколоть!
И мелко расщепить.
Уголь лучшего качества!
Даром у него
Такие темно-синие глаза,
Что хочется влюбиться,
Как в девушку.
И девушек лицо у бога,
Но только бородатое.
Двумя рядами низко

Струится борода,
Как сумрачный плетень
Овечьих стад у озера,
Как ночью дождь,
Глаза передрасветной синевы
И вещи и тихие
И строги и прекрасны,
И нежные несказанной речью,
И тихо смотрят вниз
Укорной тайной,
На нас, на всю ватагу
Убийц святых,
На нашу пьянку
Убийц святых.
— Смотри, сойдет сюда
И набедокурит.
А встретится, взмахнет ресницами,
И точно зажег зажигалкой.
Темны глаза, как небеса,
И тайна вещая есть в них
И около спокойно дышит.
Озера синей думы!
— Даешь в лоб что-ли?
Даешь мне в лоб, бог девичий,
Ведь те же семь зарядов у тебя.
С большими синими глазами?
И я скажу спасибо
За письма и привет.
— Море! Море!
Он согласен!
Он взмахнул ресницами,
Как птица крыльями.

Глаза летят мне прямо в душу,
Летят и мчатся, машут и шумят.
И строго точно казнь
Он смотрит на меня в упорном холоде!
О ужасе рассказами раскрытые широко,
Как птицы мчатся на меня
Синие глаза мне прямо в душу.
Как две морские птицы большие, синие и темные,
В бурю, два буреветника, глашатая грозы.
И машут и шумят крылами! Летят! Торопятся.
Насквозь! Насквозь! Ныряют на дно души.
— Так... Я пьян... И это правда...
Но я хочу, чтоб он убил меня
Сейчас и здесь над скатертью,
Что с пятнами вина, покрытая стеклом.
— Шатия-братия!
Убийцы святые!
В рубахах белых вы,
Синея полосатым морем,
В штанах широких и тупых внизу и черных,
И синими крылами на отлете, за гордой непослуш
ной шейей,
Похожими на зыбь морскую и прибой,
На ветер моря голубой.
И черной ласточки полетом над затылком,
Над надписью знакомой, судна именем.
О, говор родины морской пловучей крепости
И имя государства воли!
Шатия-братия,
Бродяги морские!
Ты топашь тупыми носками
По судну и земле,

И в час беды не знаешь качки,
Хоть не боишься ее в море.
Сегодня выслушай меня:
Хочу убитым пасть на месте,
Чтоб пал огонь смертельный
Из красного угла. —
Оттуда бы темнело дуло
Чтобы сказать ему — дурак!
Перед лицом конца.
Как этот мальчик крикнул мне,
Смеясь беспечно
В упор обойме смерти.
Я в жизнь его ворвался и убил,
Как темное ночное божество.
Но побежден его был звонким смехом,
Где стекла юности звенели.
Теперь я бога победить хочу
Веселым смехом той же силы,
Хоть мрачно мне
Сейчас и тяжело. И трудно мне.
— Бог! я пьян... „Назюзился... наш дядя“...
„А время на судно итти“. — Идем!
Я пьян, но слушай...
Дай закурим!
И поговорим с тобою по душам.
Много ты сделал чудес,
Только лишь не был отцом.
Что там! Я знаю!
Ты девушка, но с бородой.
Ты ходишь в ниве и рвешь цветы,
Плетешь венки
И в воды после смотришься.

Ты синеглазка деревень,
Полей и сел,
С кудрявою бородкой —
Вот ты кто.
Девица! Хочешь
Подарю духи?
А ты назначишь
День свиданья,
И я приду с цветами
Утонченный и бритый,
Томный.
Потом по набережной,
По взморью мы пройдемся.
Под руку,
Как надо?
Давай поцелуемся.
Обнимемся и выпьем на ты.
Иже еси на небеси.
— Братва, погоди,
Не уходи, не бесись!
-- Русалка
С туманными могучими глазами,
Пей горькую!
Так.
-- Братва!
Мы где увидимся?
В могиле братской?
Я самогона притащу,
Аракой бога угощу
И созовем туда марух.
На том свете
Я принимаю от трех до шести.

Иди смелее:
Боятся дети,
А мы уж юности прости.
Потом святого вдрызг напоим,
Одесса-мама запоем.
О боги, боги, дайте закурить!
О чем же дальше говорить.
Пей, дядько, там в углу!
Ай!
Он шевелит устами
И слово произнес... из рыбьей речи.
Он вымолвил слово, страшное слово,
Он вымолвил слово,
И это слово, о, братья,
„Пожар!“
— Ты пьян? — Нет, пьяны мы.
— До свидания на том свете.
— Дашь в лоб, что-ли?
.
— Старуха! Ведьма хитрая!
— Ты подожгла.
Горим! Спасите! Дым!
А я доволен и спокоен.
Стою, кручу усы и все как надо.
Спаситель! Ты дурак.
— Дает! Старшой, дает!
В приклады.
Дверь железная!
Стреляться?
Задышаться?

Старуха: Как хотите!
(показываясь)